

## ПЕРЕЖИТОЧНЫЕ ФОРМЫ СОБРАНИЙ СТАРИКОВ У АРМЯН

Л. М. ВАРДАНЯН

В *Апаранском р-не* собрания стариков сохранялись длительное время. Население этого р-на в настоящее время в основном составляют потомки переселенцев из Алашкерта и Муш-Тарона, хотя среди них встречаются отдельные семьи из других р-нов Западной Армении и Ирана.

Переселение из Алашкерта и Муш-Тарона на территорию нынешнего Апаранского р-на произошло в несколько этапов, основные из которых следующие.

1828—1830 гг., время присоединения Восточной Армении к России. Основная масса переселенцев из Муша и Алашкерта перешла на новое местожительство именно в этот период.

1876—1877 гг., период, связанный с русско-турецкой войной.

1915 г. — беженцы, спасшиеся от резни армян в Турции.

Таким образом, в настоящее время в селах Апаранского р-на проживают представители разных поколений исконных алашкертцев и мушцев. Их прадеды и деды принесли с собой и многие традиции своей родины. Одним из таких обычаев являются и собрания стариков в *ода* (местное произношение — [ода]) — *հօղիս նստիլը* — *ода нстэ'лы*.

Собрания стариков в *ода* существовали во всех селах Апаранского р-на.

Память об этом обычае хорошо сохранилась до сих пор у лиц не только старшего, но даже и среднего возраста. Старики и ныне вспоминают о своих собраниях в Муш-Тароне или Алашкерте. Как видно из самого названия, собрания стариков происходили в *հօղիս* — *ода*. Количество таких *ода* в каждом селении колебалось в зависимости от численности населения. Каждый околоток — *բիւր*, как правило, имел свою *ода* (одну или несколько). Старики до сих пор хорошо помнят, что местом их собраний служили:

в с. Мравян — Тороси одэн, Усепи Мкои одэн;

в с. Шенаван — Дилои одэн, тарзу Маркари одэн, Маркари Асои одэн, далаки Князи одэн;

в с. Вардаблур — Грей Галусти одэн, Сафари Геворги одэн, Алтуни Мушеги одэн, Акопи Алексани одэн, Погоси одэн и т. д.<sup>1</sup>

В комплексе старинного народного жилища *ода* представляла собою комнату при гоме (хлеве), в связи с чем во многих районах она еще на-

<sup>1</sup> Архив отдела этнографии Института археологии и этнографии АН Арм. ССР. Материалы, собранные автором в Апаранском р-не в 1971 г. (В дальнейшем везде — А. О. Э.).

зывалась и *գլիր օդա* — гомп ода — т. е. ода при хлеве<sup>2</sup>. Наличие ее вызывалось необходимостью содержания скота в хлеве и ухода и наблюдения за ним в зимнее время. Обязанность эта лежала на мужчинах среднего и пожилого возрастов. Тут и проводили мужчины свой досуг и для этого со временем создавали определенные удобства, превратив ода в парадную комнату — самое уютное помещение в комплексе жилища<sup>3</sup>.

Хлев был отгорожен от жилого помещения смежной с ним поперечной стеной. Параллельно этой стене шла низкая широкая перегородка от 1 до 1,5 м высотой (короче смежной стены), отгораживающая ода от хлева. По обеим сторонам ода, вплотную к смежной с домом стене и к перегородке, располагались дощатые или земляные возвышения, нары — *Բլրիկներ* — *тымбикнер*, на которых сидели и спали. Между ними от сени до продольной стены оставался проход — *հանգի* — нав (80 см шириной). В продольной стене посередине помещался камин — *բուխարի* — бухарик. Бухарик по возможности орнаментировали, нередко помещая на нем и надпись, отмечая время его установки, постройки дома или же имя и фамилию хозяина. В той же стене, чуть выше, по обеим сторонам от бухарика располагались ниши — *փախարահ* — *панджара* или *սառնակներ* — *патран*, куда ставили светильник, посуду, кувшин с водой и т. п.

Размер ода в каждом доме колебался в зависимости от величины самого гомы, что, в свою очередь, зависело от зажиточности хозяина. Так, ода Геворка Акопяна (с. Вардаблур) имела размеры 7×5 кв. м, а ода Акопа Бесаяна (с. Цахкаовит) — 5×4 кв. м. До настоящего времени в таком виде ода практически не дошли; они либо совсем разрушились и вышли из строя, либо же их переделали, соединив с гомом, превратив в современную жилую комнату или же в подсобные помещения: *կախարահ* — марран — кладовую, *Բլրիկներ* — *тонратун* — кухню с очагом и т. п. Однако в своем первоначальном варианте ода сохранялась в селах Апаранского р-на вплоть до середины 40-х г. XX в.

Собрания стариков здесь называют *հօգի նիսի* — ода нстэл — дословно сидеть в ода. Собрания проводились в зимнее свободное от полевых работ время. Обычно в течение всего сезона собирались в одной и той же ода. Очень часто данная ода служила этой цели даже по нескольку лет подряд, если только между ее хозяином и членами собраний были любовные отношения и не возникали какие-либо недоразумения или же не происходило несчастья в семье хозяина дома.

Собираясь в ода, старики обсуждали сельские новости, рассказывали различные истории, сказки — *խաղ կենեն*, *նաղ կենեն* и т. п. В последний период своего существования (20—40 г. XX в.) ода считалась мес-

<sup>2</sup> Чертежи и фото апаранских ода см. материалы этнографической экспедиции Ин-та археологии и этнографии 1971 г. (автор Н. Папухян).

<sup>3</sup> Обычно там же в специальном сундуке хранились домовые святыни — *Ավետարան*, *նարեկ* — Нарек и т. п., в связи с чем ода превращались со временем в священное место (семейное или общесемейное).

том, где старики коротали время. Однако еще в конце XIX—начале XX вв. собрания стариков в *ода* сохраняли, по-видимому, свои основные общественные функции. Молодежь на эти собрания не допускалась. Что же касается возможности ее присутствия на этих собраниях, то полевой материал в силу расплывчатой формы этого обычая дает противоречивые сведения. По данным одних информаторов, молодежь (холостая и женатая) не имела права присутствовать в *ода* на собраниях стариков. Она могла прислушиваться к рассказам старших, стоя за перегородками в хлеву или в сених. Некоторые из информаторов довольно категорически заявляли, что парня, осмелившегося придти на собрание стариков в *ода*, имели право даже побить.

По сведениям других информаторов мужская молодежь могла присутствовать на собраниях стариков<sup>4</sup>, но вмешиваться в разговоры старших она не имела права—обычай, соблюдаемый не только на собраниях в *ода*, но и в повседневной жизни.

Столь же противоречивы сведения и о возможности участия в этих собраниях женщин.

Одни информаторы самым категорическим образом заявляют, что девушкам и женщинам приходиться на собрания стариков запрещалось. Это считалось большим стыдом, даже позором для них. В лучшем случае, девушки и женщины могли слушать рассказы стариков, стоя в сених или в одном из темных углов дома и стараясь быть незамеченными.

Согласно показаниям других информаторов, девушки и женщины могли находиться в *ода*, располагаясь, однако, ближе к выходу в сени. Это случалось обычно в тех случаях, когда в *ода* приходил гусан (ашуг) из другого села или города<sup>5</sup>.

Разноречивость сведений относительно присутствия в *ода* мужской молодежи и женщин, на наш взгляд, объясняется тем, что обычай собраний в *ода* дошел до нас в очень расплывчатой форме. Утратив свое первоначальное содержание и цели, переродившись постепенно в одну из форм времяпрепровождения, собрания стариков утратили и ряд своих общественных функций. Многие требования, предъявляемые ранее к строгому соблюдению правил этого обычая, теперь уже стерлись из памяти и перестали соблюдаться во всей своей прежней строгости.

К более древним формам этого обычая восходит запрет присутствия на стариковских собраниях лиц других поло-возрастных групп. Сами же собрания стариков имели как бы два аспекта. Это были своего рода «посиделки», на которых старики обсуждали относящиеся к ним общественные дела, вели различного рода беседы. Парням и женщинам при этом делать здесь было нечего. И другой аспект—когда в *ода* старшие рассказывали сказки, предания, поучительные истории, пели песни, плясали и т. п.

Прибытие же гусана (ашуга) в село было событием знаменательным. В таком случае послушать сказителей или гусанов в *ода* и в *гоме*

<sup>4</sup> А. О. Э., Материалы, собранные автором в Апаранском р-не в 1971 г.

<sup>5</sup> Там же.

собирались парии, девушки, женщины—практически почти все село. Именно в этом наиболее ярко проявляется важная роль сообществ стариков в деле воспитания и обучения младшего поколения, передачи ему как своего жизненного опыта, так и всего наследия местной материальной и духовной культуры.

Собрания стариков в *ода* в Апаранском как и в ряде других районов существовали только в сельской среде, которая не могла не наложить на них особой специфики. Следует отметить, что по сравнению с другими р-нами, именно в Апаранском р-не длительное время существовали собрания данной возрастной группы, что объясняется не столько прочностью традиции, сколько социально-экономическими условиями самого Апарана. Этот район долгое время продолжал оставаться одним из самых отсталых сельских р-нов. Значительный подъем материального благосостояния и культурного уровня здесь наметился с послевоенного времени.

Перестройка всего уклада сельской жизни, а также исчезновение традиционного жилища свели на нет потребность в общественных функциях помещений для собраний стариков. В часы досуга старики стали собираться уже не в *ода*, а, как правило, у бывшей церкви, у сельсовета, в избе-читальне, в клубе, в доме культуры и т. д. Выбор ими новых мест собраний вошел в привычку и бытует вплоть до настоящего времени. Это наблюдается в одинаковой степени во всех селах Армении.

В настоящее время мы можем делать более или менее определенные предположения о первоначальной структуре и функциях собраний стариков Апарана лишь при сравнении их с аналогичными собраниями в других районах Армении.

Материалы о собраниях стариков в селах *Арагатского р-на* записаны нами от стариков-переселенцев в данный р-н из Ванской области после резни армян в Турции 1915 г. Собрания ванских стариков во многом схожи с алашкертско-мушскими (апаранскими) как по степени своей сохранности, так и ряду своих черт.

Собрания ванских стариков назывались *ишрп* — *саку* или *ишрп* *ишп* — *саку нстел*, дословно сидеть на *саку*<sup>6</sup>.

Местом собраний стариков здесь также служила *ода*. Обычно каждый *ишп* — околоток имел свою *ода*. Нередко вместе со стариками в *ода* принимали участие и пожилые мужчины. Мужчины же средних лет и молодежь могли присутствовать на этих собраниях, но без права участия в беседах старших. Они держались обособленно, стоя под стенами.

Присутствие на *саку* девушек и женщин, по свидетельству информаторов-ванцев, запрещалось. По замечанию одного из стариков, как могла женщина приходить на *саку*, если там сидели ее свекр, деверь, *кавор* — посаженный отец и другие мужчины, с которыми ей предписывалось соблюдать «обычай избегания»<sup>7</sup>. Запрет этот не распространялся

<sup>6</sup> *Ишрп* — *саку* от турецкого *seki*, что значит лавка, возвышенное место для сидения (см. Д. А. Магазаник, Турецко-русский словарь, М., 1945).

<sup>7</sup> А. О. Э., материалы, собранные автором в Арагатском р-не в 1970 г.

лишь на *тантыкин* — хозяйку дома. В силу ее преклонного возраста и высокого общественного положения, она пользовалась рядом привилегий. К числу подобных привилегий относилось и ее право присутствовать на собраниях мужчин.

На своих собраниях-саку старики и пожилые обсуждали сельские новости, различные хозяйственные вопросы своей округи, достоинства или недостатки того или иного работника и т. д. Нередко кто-либо из сказителей рассказывал сказки, предания и г. п.; могли здесь и петь песни.

При сборе полевых материалов о собраниях ванских стариков не удалось выявить данных об их самоуправлении. По всей вероятности, это связано с тем, что в начале XX столетия собрания стариков в Арагатском р-не (как и в Апаранском) уже не оказывали бывшего значительного влияния на хозяйственную и общественную жизнь.

Сохраняясь по традиции, они и здесь постепенно превратились в вид времяпрепровождения, не теряя, однако, своей традиционной функции — обучения и воспитания молодежи.

Слабые отголоски собраний стариков можно проследить по материалам, записанным нами среди армян *Нагорного Карабаха* (Мардакертский и Шушинский р-ны НКАО). Обычай стариков собираться вместе здесь называется *գլխաշի տնի* — *галаджи анэл*, дословно разговаривать; в ряде же селений Шушинского р-на его называют *շինմաշ* — *шнамач*, буквально: внутри села, в селе, *շինի մեջտնիք*, что подтверждается привычкой стариков в часы досуга собираться в центре села, обычно у церкви<sup>8</sup>.

В небольших села, таких как Ехцавох (*Եղծավո*) было одно место собраний, в крупных же селах их могло быть больше. Так в с. Мецшен (*Մեծշեն*) старики собирались в двух местах по *թաղ*-ам — околоткам. Однако среди карабахских армян место собрания стариков уже не было строго фиксированным. Собираться побеседовать они могли и в доме то одного, то другого из стариков. В этих случаях местом их сбора также служила *ода*.

Интересные данные намечаются по карабахским материалам относительно руководителя в данной возрастной группе. Выясняется, что наиболее старший, авторитетный и мудрый из стариков выдвигался в *наһапеты* и назывался аксакалом; он был как бы руководителем данной группы, оставаясь на этой должности пожизненно. Каждая группа стариков, собиравшаяся отдельно, имела своего *наһапета*.

В своих беседах старики обсуждали новости, рассказывали различные истории. Нередко они подшучивали друг над другом, старались рассердить своего товарища, подтрунивали над ним, чтобы потом посмеяться. При этом часто отпускались довольно непристойные шутки и выражения<sup>9</sup>. Здесь рассказывались также сказки, предания и т. п. Так, в селе Ехцавох хорошей сказительницей была Тэллу Тозанян, рассказываю-

<sup>8</sup> А. О. Э., материалы, собранные автором в Нагорном Карабахе в 1970 г.

<sup>9</sup> См. там же.

шая по-армянски и азербайджански<sup>10</sup>. Это один из немногих случаев, когда старуха участвовала на собраниях стариков.

Приходить слушать сказителей имели право также мужчины и женщины средних лет и молодежь, оставаясь, однако, только лишь в роли слушателей.

Собрания стариков в Артикском р-не<sup>11</sup> сохранялись до начала XX в. также в пережиточной форме.

В отличие от Апаранского и Араратского р-нов, в селах Артикского р-на для собраний стариков служила одна определенная ода. В этом районе на собраниях стариков также могли присутствовать мужчины средних лет и молодежь. Старшие обсуждали различные местные дела, новости, делились воспоминаниями, учили молодежь трудовым навыкам, сказкам, преданиям, песням, пляскам, давали советы.

Следов организационного самоуправления в собраниях стариков Артикского р-на к началу XX в. практически не сохранилось. К этому времени они являлись в основном своеобразной формой проведения досуга<sup>12</sup>.

В Джавахке (современные Ахалцихский и Ахалкалакский р-ны Грузинской ССР)<sup>13</sup> с преобладающим населением армян-переселенцев из Каринской (Эрзерумской) области (историко-этнографический р-он Бардзыр Айка) Западной Армении возрастные сообщества, в том числе и стариков, сохраняли наиболее четкие следы своего внутреннего самоуправления.

Собрания стариков здесь назывались *իւնիւն* — *нстаран*. Ж. Хачатрян связывает этот термин с глаголом *իւնիւն* — нист, одно из значений которого — «организовывать заседание, заседать»<sup>14</sup>. В разговорной же речи чаще употреблялись термины *ւիշրի* — саку или *օդի իւնիւն* — ода нстэл, т. е. те же, что зафиксированы и по ванским и алашкертско-мушским материалам.

Как и в других р-нах, собрания стариков Джавахка происходили в зимнее время. Собирались они по *բաղ-ам* — околоткам своего села или города. Помещением для сборов служила ода одного из уважаемых и состоятельных членов данной возрастной группы. Раньше же это помещение выбиралось общим собранием всех членов и, как правило, не каждый год менялось.

Ж. Хачатрян отмечает, что по традиции самый уважаемый, почтенный, нередко и самый старший по возрасту из стариков избирался руко-

<sup>10</sup> Она умерла в 1965 г. в возрасте 90 лет.

<sup>11</sup> Материал по возрастным сообществам Артикского р-на записан от жительницы села Орром этого р-на Эрикназ Артеян доктором исторических наук Србун Лисициан.

<sup>12</sup> Србун Лисициан, Старинные пляски и театральные представления армянского народа, т. 2, Ереван, 1972, стр. 108.

<sup>13</sup> Материал по возрастным сообществам Джавахка собран и проанализирован Ж. Хачатрян. (См. Ж. Хачатрян, Возрастные сообщества в Джавахке (на армянском языке), «Историко-филологический журнал», 1968, № 1).

<sup>14</sup> Там же, стр. 204.

водителем данной группы. Никакого специального термина этой выборной должности не сохранилось, но Ж. Хачатрян высказывает предположение, что некогда он должен был существовать<sup>15</sup>.

На собраниях старики обсуждали вопросы, касающиеся жизни и интересов своего села, города, а также каждого отдельного члена своего сообщества. При решении различных вопросов все участники собрания пользовались равным правом голоса.

На традиционных джавахкских собраниях стариков запрещалось присутствовать мужской молодежи и женщинам всех возрастов, но как и в других районах представители молодежи участвовали в собраниях стариков, устраиваемых по некоторым поводам: на свадьбах, похоронах, местах богомолья и на праздниках. В любых случаях молодежь не имела права сидеть в присутствии старших и стояла у входа.

К началу XX в. ряд функций джавахкских собраний стариков постепенно перешел к сообществам мужской молодежи. Лишенные своих основных обязанностей и прав, собрания стариков все же сохраняли право совещательного голоса. *Ода* стариков стали местом их времяпрепровождения.

Собрания стариков в Джавахке интересны не только своей лучшей сохранностью, но и в связи с тем обстоятельством, что помимо сельской охватывали и городскую среду. Важно отметить, что в городской среде существовали цеховые ремесленные организации — *амкарства*. В период расцвета этих организаций в их структуре прослеживается наличие существовавших в ней мужских возрастных сообществ.

До конца XIX—начала XX вв. мужские возрастные сообщества внутри амкарств дожили уже в пережиточной форме.

Итак, несмотря на ряд локальных отличий, в первой четверти XX в. везде собрания стариков у армян находились примерно на одном уровне сохранности, доживая последнюю ступень своего существования<sup>16</sup>.

Различные же сроки доживания в каждом из исследованных районов были связаны с различием общественно-экономического и историко-географического положения конкретно каждого из них. В той деформированной форме, в какой удалось зафиксировать собрания стариков у армян, они представляют завершающую, последнюю ступень своего многовекового существования.

Порайонный анализ исследуемого материала дает основание предполагать, что перед нами не просто одна из форм проведения досуга, а обычай, уходящий корнями в первобытно-общинную поло-возрастную градацию, тесно связанную с системой инициаций. В этой градации воз-

<sup>15</sup> Там же, стр. 205.

<sup>16</sup> Интересно отметить, что в этот же период и у ряда других народов, в частности в Средней Азии, собрания стариков в пережиточной форме находились примерно на таком же уровне сохранности как у армян, и характеризовались аналогичными чертами, см., например, Г. П. Снегирев, Традиция мужских союзов в ее позднейшем варианте у народов Средней Азии, «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 7, М., 1963.

растная группа стариков играла свою определенную руководящую роль. с одной стороны, выполняя функцию «социальной памяти коллектива»<sup>17</sup> и приобщая молодежь к наследию своей материальной и духовной культуры—с другой. В силу остаточного характера этого института в исследуемый период письменные и послевоенные свидетельства о нем довольно отрывочны, неполны и нуждаются в дальнейшем собирании и всестороннем исследовании.

## ՄԵՐՈՒՆԻՆԵՐԻ ՀԱՎԱՔՆԵՐԻ ՎԵՐԱՊՐՈՒԿԱՅԻՆ ԶԵՎԵՐԸ ՀԱՅԵՐԻ ՄԵՋ

### 1. Մ. ՎԱՐԴԱՆՅԱՆ

#### Ա մ փ ո փ ու մ

Մերունիւնե՛րի հավաքների վերապրուկային ձևերը հայօրի մօջ պահպանվում էին մինչև XX դ. առաջին քառորդը, իսկ առանձին դեպքերում՝ նույնիսկ ավելի ուշ: Օդա նստելու սովորութիւնը տարածված է եղել պատմա-ազգագրական ասարբեր շրջաններում: Հավաքները խմբավորել են միայն որոշակի ասարիքի տղամարդկանց, ունեցել իրենց վարը և ժամանակը: Մերունիւնե՛րը «քըննում» էին իրենց գլուղին վերաբերվող ասարբեր հարցերը և նորութիւնները, խոսում, ղրուցում էին, հիշում իրենց անցյալը: Օդայում երգում, պարում էին, հեքիաթասացները պատմում էին առասպելներ, ավանգույթներ, այսանդ էին գալիս աշուղները: Հենց այս ձևով էին պահպանում ժերունիւնե՛րի հավաքները նախկինում ունեցած իրենց գլխավոր սրարականութիւններից մեկը՝ երիասարդ սերնդի գաստիարակութիւնը: Ազգագրական դաշտային նորագլուխ նյութերը ցույց են աւելիս, թե ինչպես իր զարգացման վերջին շրջանում օդա նստելու սովորութիւնը մինչև XX դ. առաջին քառորդը վերափոխվեց պարզ ժամանցի:

<sup>17</sup> И. А. Андреев, О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытно-общинного строя к классовому обществу, «Советская этнография», 1971, № 2, стр. 14.